

© 2003 г.

Н. Н. Крадин

СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА ХУННСКОЙ ИМПЕРИИ*

История хунну представляет собой одну из интереснейших страниц истории народов Евразии в эпоху древности. На рубеже III–II вв. до н.э. хунну создали первую кочевую империю, объединившую многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Северные границы империи достигали Байкала, южные – упирались в Великую китайскую стену, западные – достигали Восточного Туркестана, включая Хакасию, Туву и Алтай, восточные – доходили до Хингана и р. Ляохэ.

В течение двух с половиной веков продолжалось драматическое противостояние между Хуннской державой и ее южным соседом – Ханьским Китаем. Несмотря на то что Китай в данное время населяло около 60 млн. чел., тогда как общее количество кочевников в лучшие годы не достигало 1.5 млн. чел., хунну удавалось на равных противостоять Циньской и Ханьской династиям, а также заставить китайцев выплачивать под видом «подарков» крупные платежи шелком, изделиями ремесла и продуктами оседлого сельского хозяйства.

Эта империя возникла примерно в 209 г. до н.э., когда шаньюй (титул хуннского правителя) Модэ победил всех внутренних и внешних врагов и объединил кочевые народы Центральной Азии. Можно выделить четыре этапа истории Хуннской державы. Первый этап (209–133 гг. до н.э.) – это время наибольшего ее расцвета, когда номады практиковали политику чередования набегов и вымогания «подарков» в отношении Китая. Следующий этап (129–58 гг. до н.э.) связан с изменением китайской внешней политики и началом длительной кровопролитной войны между Хунну и китайской династией Хань. Война не принесла победы ни одной из сторон, однако хуннское общество взорвалось изнутри. Началась кровопролитная гражданская война. Третий этап (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) – это период мирных отношений между кочевниками и китайцами. Правивший в тот период шаньюй Хуханье постепенно справился со своими внутренними противниками, признал формальную вассальную зависимость от Китая, за что южане посылали в степь регулярные и намного более богатые, чем ранее, подарки. Четвертый этап (9–48 гг.) характеризуется очередной сменой внешней политики Китая по отношению к Хунну, из-за чего возобновилось противостояние между номадами и земледельцами, начались периодические набеги кочевников на Китай. Данный этап продлился до 48 г. н.э., когда в результате новых внутренних конфликтов Хуннская империя распалась на «северную» и «южную» конфедерации. С этого времени начинаются Великое переселение и опустошительные завоевания гуннов в Старом Свете.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (97–06–96759).

Основными источниками по истории хунну являются сведения китайских летописей, которые переведены на основные европейские языки, русский язык¹, а также материалы археологических раскопок на территориях Монголии, России и Китая². В настоящее время имеется несколько крупных исследований³, в которых освещаются те или иные стороны истории и культуры хуннского общества, однако, естественно, многие из вопросов по-прежнему остаются неразработанными и дискуссионными. Один из таких дискуссионных вопросов истории хунну – это характеристика их социальной организации и уровня развития. До сих пор специалисты спорят по поводу причин возникновения имперской организации у хунну, пытаются объяснить сходство в административно-политическом устройстве державы шаньюя Модэ и более поздних кочевых империй Евразии, не могут прийти к единому мнению относительно уровня развития хуннского общества и специфики его строя. Интерес исследователей к данной теме не случаен. Во-первых, по истории хунну имеется значительное число письменных источников (намного больше, чем даже по истории более поздних номадов – жужан, тюрков, уйгуров и др.), из которых можно почерпнуть очень важную информацию о социальном устройстве кочевников-скотоводов. Во-вторых, хунну являются едва ли не единственным древним кочевым народом Азии (как скифы в Европе), о котором сохранилось так много источников. Это позволяет в некоторой степени использовать выводы по социальной истории хунну для реконструкции общественного строя других евразийских номадов древности. В-третьих, интерес к изучению социального строя хунну во многом определен ореолом, который сложился вокруг грозного нашествия гуннов, заставивших трепетать всю Европу, а также в этой связи возникшим вниманием к азиатской прародине гуннов. В-четвертых, Хуннская держава была первым крупным объединением кочевников Азии. Каковы причины ее возникновения? Основные принципы хуннской административно-политической системы (десятичная иерархия, централизованная власть, троично-дуальное деление) прослеживаются в той или иной степени в последующих кочевых империях Евразии. Было ли это случайностью или же это следствие передачи традиций?

ОБРАЗОВАНИЕ ХУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Известно, что политическая интеграция и последующее возникновение ранней государственности зависят от многих внутренних и внешних факторов, к числу кото-

¹ Основные сведения по истории хунну содержатся в четырех главах древнекитайских династических хроник: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня (цз. 110), «Хань шу» («История династии Хань») Бань Гу (цз. 94а, 94б), «ХоуХань шу» («История Поздней династии Хань») Фань Е (цз. 79). Мною цитируются публикации данных текстов по книге: Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь (Собрание сведений о народах различных исторических эпох). Т. I. Пекин, 1958 (на кит. яз.) (далее – ЛГЧХ). Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность Ю.Л. Кролю и А.Л. Ивлиеву за комментарии по древнекитайским текстам. Поскольку в синологии отсутствует универсальная система ссылок на источники, подобная той, которая распространена в антиковедении, для удобства читателей параллельно я буду давать отсылки к соответствующим русскоязычным переводам источников (см. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 39-141; Материалы по истории сюнну / Пер. В.С. Таскина. Вып. 1. М., 1968. Вып. 2. М., 1973).

² Доржсурэн Д. Умард хунну (Северные хунну). Улан-Баатар, 1961 (на монг. яз.); Руденко С.И. Культура хуннов и ионулинские курганы. М.–Л., 1962; Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976; Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985; она же. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб., 1995. Т. II. Иволгинский могильник. СПб., 1996.

³ Egami Namio. Yurashiya Kodai Hoppo Bunka (kodo bunka ronko) (The Northern Culture in Ancient Eurasia (The Essay in the Hsiung-nu culture). Kyoto, 1948 (на япон. яз.); Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960; Ма Чаншоу. Бэй ди юй сюнну (Северные ди и хунну). Пекин, 1962 (на кит. яз.); Сухбаатар Г. Хунну нарын аж ахуй, нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарал (м.э.э. IV – м.э. II зуун) (Хозяйство, общественный строй, культура, этническое происхождение гуннов (IV в. до н.э. – II в. н.э.). Улан-Батор, 1980 (на монг. яз.).

рых наиболее часто относят благоприятные экологические условия, производящее (как правило) хозяйство, плотность народонаселения, развитую технологию, ирригацию, войны, завоевания и внешнее давление, культурное влияние, внешнюю торговлю, кастовую эндогамию и др.⁴ Однако роль этих факторов в социальной эволюции кочевых обществ отличалась определенной спецификой, обусловленной экологическими условиями аридных зон Евразии. Достаточно сказать, что по уровню технологического развития номады сильно отставали от своих оседлых соседей, но именно такие орудия труда скотоводческого хозяйства, как лошадь и верблюд, обусловили мобильность и некоторое военное преобладание кочевников над земледельцами в Евразии и Северной Африке в доиндустриальную эпоху.

Гораздо чаще в качестве причин образования кочевых империй называют разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание или, наоборот, увлажнение), воинственный образ жизни кочевников, демографический фактор, выталкивавший номадов из пределов степи, ослабленность земледельческих обществ вследствие «феодальной» раздробленности, необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества, личные амбиции предводителей степных обществ и др.

Значение большинства из этих факторов, однако, оказалось преувеличено. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи со временами упадка/расцвета кочевых империй⁵. Не совсем ясна роль демографии, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения и, как правило, раньше приводил к стравливанию травостоя и кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, вне всякого сомнения, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически более комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой и т.д.

Более того, исследователи, изучавшие культуру кочевников-скотоводов изнутри, считают, что с экологической точки зрения кочевники не нуждались в государстве. Специфика скотоводства предполагает рассеянный (дисперсный) образ существования. Концентрация больших стад животных в одном месте вела к перевыпасу, чрезмерному вытаптыванию травостоя, увеличению опасности распространения заразных заболеваний животных. Скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество детерминировалось продуктивностью степного ландшафта. К тому же, независимо от знатности скотовладельца, все его стада могли быть уничтожены джутом, засухой или эпизоотией. Поэтому животных было выгоднее давать на выпас малообеспеченным сородичам или раздавать в виде «подарков», повышая тем самым свой социальный статус. Таким образом, вся производственная деятельность скотоводов осуществлялась внутри семейно-родственных и линиджных групп лишь при эпизодической необходимости трудовой кооперации. Данное обстоятельство обусловило то, что вмешательство предводителей кочевых обществ во внутреннюю экономическую жизнь было очень незначительно и не могло идти

⁴ Carneiro R. A theory of the origin of the state // Science. 1970. 169 (3947); Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979; The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1978; The Study of the State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981; Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983; История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989; Архаическое общество. Узловые проблемы социологии развития. Т. 1–2. М., 1991; Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995; Earle T. How Chiefs Come to Power: the Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997; Копотаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997; Maisels Ch. Early civilizations of the Old World: the formative histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China. N.Y., 1999.

⁵ Динесман Л.Г., Князев А.Д., Болд Г. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. М., 1989. С. 204–205; Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рынпесков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. Табл. 24, 25.

ни в какое сравнение с многочисленными управленческими обязанностями правителей оседло-земледельческих обществ. В силу этого власть предводителей степных обществ не могла развиваться до формализованного уровня на основе регулярного налогообложения скотоводов⁶.

Что же тогда являлось причиной создания «степных империй»? По большому счету ведущие внутренние предпосылки политогенеза (экология, система хозяйства, демографический оптимум) в отличие от оседло-земледельческих обществ у кочевников не способствовали складыванию государственности. Государство не было необходимо кочевникам для решения внутренних проблем. Централизованная организация власти у кочевников возникала исключительно для разрешения внешних задач: для получения земледельческо-ремесленной продукции посредством внешнеэксплуататорской деятельности и/или для противостояния давлению со стороны земледельческих цивилизаций. В этом принципиальное отличие политических структур кочевников от государственности оседло-земледельческих обществ.

При этом нужно иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, возникновение кочевых империй было возможно далеко не везде, а только там, где существовали большие степные пространства, на которых могло кочевать достаточно большое количество скотоводов (Халха-Монголия, Дешт-и-Кыпчак и др.). Во-вторых, прослеживается жесткая корреляция между объектом экспансии кочевников и величиной самого кочевого общества. Нузры, например, могли совершать свои ежегодные набеги на динка, не преобразовывая своей акефальной «племенной» структуры. Туареги или арабы, чтобы взимать дань с соседних земледельческих оазисов, объединялись в «племенную» конфедерацию или в вождество. Кочевники причерноморских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали племенные союзы или «квазиимперские» государственноподобные структуры. Однако кочевым скотоводам Центральной Азии (сюнну, тюркам, уйгурам, монголам и др.), соседствовавшим с китайской земледельческой цивилизацией, необходимо было иное средство адаптации к внешнему миру – кочевая империя⁷. Под *кочевой империей* я понимаю сложное общество, организованное по военно-иерархическому признаку, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежи, война и контрибуция, вымогание «подарков», неэквивалентная торговля, данничество и т.д.). Для кочевых империй были характерны: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (крылья) или триадный (крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации метрополии, чаще всего по «десятичному» принципу; 4) ямская служба как специфический способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследо-

⁶ *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. N.Y. – L., 1940; *Bacon E.* Obok. A Study of Social Structure of Eurasia. N.Y., 1958; *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Irons W.* Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. N.Y., 1979; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Camb., 1984; *Fletcher J.* The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. 46. 1; *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Camb., 1992; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992; *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы–Москва, 1995.

⁷ *Grousset R.* L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. P., 1939; *Lattimore.* Op. cit.; *Irons.* Op. cit.; *Barfield T.* The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. XLL. 1; *idem.* The Perilous Frontier...; *Khazanov.* Op. cit.; *Фурсов А.К.* Нашествия кочевников и проблема отставания Востока // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. Т. 1. М., 1988; *Крадин.* Кочевые общества; *он же.* Империя Хунну. Владивосток, 1996 (далее – Империя Хунну (1)); *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.

вания власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); б) особый характер отношений с земледельческим миром⁸.

Выделяются три модели – *типичная, данническая, завоевательная* – кочевых империй: 1) кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии, получение прибавочного продукта осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в некотором смысле рэкет) и т.п. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры и пр.); 2) земледельцы подчинены кочевникам, форма эксплуатации – *данничество* (Золотая Орда, империя Юань и пр.); 3) номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию, на смену грабегам и данничеству приходят *регулярное налогообложение* земледельцев и горожан (Северная Вэй, государство ильханов и пр.⁹).

Можно выделить четыре варианта образования степных держав: *монгольский* путь – посредством захвата и концентрации власти; *тюркский* – в процессе борьбы за независимость; *гуннский* – путем миграции на территорию земледельческого государства; *хазарский* – в ходе сегментации крупной «мировой» степной империи.

Процесс образования Хуннской державы осуществлялся в соответствии с изложенными выше закономерностями. Хунну вписываются в первую, самую распространенную модель, для которой было характерно появление в среде кочевников талантливое политическое и военного деятеля (Модэ, Таньшихуай, Абаоци, Чингис-хан), которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единую степную державу.

В то же время ряд аспектов складывания надплеменной политической организации остается дискуссионным. Традиционная нарративная историография уводит начальные этапы истории хунну во II тыс. до н.э., отождествляя их с народами «жун» и «ди», проживавшими к северу от китайцев начиная с эпох Шан и Инь. Однако в последние годы ряд ученых подверг ли сомнению достоверность летописных текстов, относящихся к доханьской истории хунну¹⁰. Также нет единства и в вопросе о предках хунну. Одни исследователи видели истоки хуннской культуры в населении, оставившем так называемые «плиточные могилы» на территории Монголии и Забайкалья¹¹. Другие авторы усматривают черты протохуннской культуры в ряде «скифо-сибирских» памятников Саяно-Алтая и Казахстана¹². Наконец, третья группа ученых связывает истоки хуннской культуры с так называемыми культурами «ордоских бронз», складывавшимися примерно с XIII в. до н.э.¹³

⁸ Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблема археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. 1. Кемерово, 1989; он же. Кочевые общества; он же. Империя Хунну (1).

⁹ Он же. Кочевые общества. С. 166–178.

¹⁰ Сюн Цунъюй. Сянцзинь сюнну цзи ци югуаньди цзигэ вэньти (Доциньские сюнну, а также связанные с ними некоторые вопросы) // Шэжуй кэсюэ чжаньсянь. 1983. 1 (на кит. яз.); Боровкова Л.А. Где и когда сюнну вышли на историческую арену // XXI научная конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 2. М., 1990; Миняев С.С. «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Там же.

¹¹ Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. 1940. Вып. 8; Гумилев. Хунну; Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. – XII в. н.э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971.

¹² Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзи и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990.

¹³ Комиссаров С.А. Новые находки гуннских памятников в Китае // XIV научная конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. 2. М., 1983; он же. Новые материалы по культуре Сюнну в Китае // Цыбиковские чтения. Тез. докл. Улан-Удэ, 1989; Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985; он же. Азиатские аспекты «гуннской проблемы» // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990; Варенов А.В. Древнее население Алтая и происхождение сюнну // Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур. Тез. докл. конф. Новосибирск, 1995; он же. Датировка оружия, изображенного на оленних камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сюнну // Международная конф. «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Тез. докл. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996.

Так или иначе, в период, непосредственно предшествующий воцарению Модэ (рубеж III–II вв. до н.э.), хуннское общество предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления, сложившимися институтами высшей власти (титул правителя хунну – *шаньюй*, институт наследования власти и др.). Косвенным образом последний тезис подтверждают исследования китайских археологов хуннских (или хунноподобных) памятников во Внутренней Монголии в период «борющихся царств». Уже в эту эпоху в хуннском обществе существовали значительные социальные различия, прослеживаемые в погребальном обряде. Погребения кочевой аристократии и вождей содержат многочисленные украшения из золота и бронзы (только в могильнике Алучжайдэн – аймак Ханцзинь – было 218 предметов общим весом более 4 кг), встречаются предметы, специально сделанные для вождей (пластина с титулованием «шао фу», украшения для церемониальной шапки, которые носили хуннские вожди, и др.)¹⁴.

Главной причиной консолидации хуннского этноса в централизованную «племенную империю» явилось создание на китайской равнине единого централизованного государства – сначала империи Цинь, а затем Хань.

Хунну быстро почувствовали последствия объединения Китая. Уже в 215 г. до н.э. по приказу правителя Цинь военачальник Мэн Тянь возглавил громадную армию численностью – по разным китайским источникам – от 100 до 500 тыс. чел.¹⁵ и отовоевал у кочевников Ордос, славившийся своими тучными пастбищами. На отвоеванных территориях Мэн Тянь построил более 40 крепостей, проложил дороги, заселил их ссыльными преступниками. Еще более впечатляющим было строительство Великой китайской стены (*ваньли чанчэн* – «стены длиной в 10 тыс. ли»), которая по замыслу Цинь Ши-хуанди должна была стать надежным барьером на пути волн варварских набегов с севера. На ее сооружении трудились огромное число солдат, осужденных преступников, государственных рабов и крестьян-общинников, принудительно мобилизованных на работы со всех провинций империи.

Чтобы успешно противостоять Китаю, кочевникам необходимо было объединиться в империю. Однако в отличие от племенной федерации политическая структура степной империи была высоко персоналистской, зависела от индивидуальных способностей ее правителя. Шаньюй (каган, хан) никогда не был окружен столь пышным и таинственным церемониалом, как китайский император или другие правители земледельческих стран. Его цель была вполне материальной – организовать получение добычи и распределить ее между племенами. Он мог лично не принимать участие в грабительских набегах и сражениях, «...но как самодержцу степной империи ему необходимы были качества воина. “Имперский” хан должен был вести своих подданных к успеху на поле боя и в вымогательстве богатства у оседлых правителей»¹⁶. Если правитель степной державы не удовлетворял ожиданиям племен, империя могла разложиться на более мелкие «квазиимперские» политии. Наконец, когда шаньюй умирал, существовал определенный риск распада степной империи. Его наследникам недостаточно было предъявить свои законные права на престол, помимо этого они должны были продемонстрировать наличие реальных личных способностей.

Основой доминирования хунну в Центральной Азии стала отлаженная военная система. Китайские источники неоднократно свидетельствуют о воинственном образе жизни северного соседа (см. ниже). Однако сама по себе милитаризация образа жизни являлась только предпосылкой для последующих успешных батальей. Более

¹⁴ Тянь Гуанцзинь, Го Су синь. Нэй Мэнгу Алучжайдэн фасяньды сюнну му (Хуннские вещи, найденные в Алучжайдэн, Внутренняя Монголия) // Каогу. 1980. 4 (на кит. яз.); они же. Сигоупань сюнну му фаньиньды чжу вэньти (Проблемы, связанные с хуннским могильником Сигоудань) // Вэнью. 1980. 7 (на кит. яз.).

¹⁵ ЛГЧХ. С. 15.

¹⁶ Fletcher. The Mongols... P. 23.

важную роль сыграли организационные и военные преобразования, произведенные шаньюем Модэ, и особенно введение им так называемой «десятичной» системы и жесткой военной дисциплины. Преимущества «десятичной» системы достаточно очевидны. Военная история дает бесчисленное множество примеров, когда малочисленные армии побеждали превосходящих противников только из-за того, что имели лучшую внутреннюю организацию.

В периоды могущества Хуннской державы племена «метрополии» практиковали в отношении соседей различные формы дистанционной эксплуатации и данничества. Они получали дань, например, со своих заклятых врагов протомонголов (дунху, хуаней). Обложены данью были и народы Саяно-Алтая и Тувы. Они управлялись хуннскими наместниками и поставляли в метрополию руду и ремесленную продукцию¹⁷. Оседлое население богатых оазисов «Западного края» платилономадам дань шерстью, тканями и другими изделиями ремесленников, было обложено ямской повинностью. Кочевники контролировали и прибыльные караванные пути в страны Запада¹⁸. Другой не менее распространенной формой эксплуатации на расстоянии были набеги на соседей с целью грабежа и захвата пленников. Наконец, известно, что народы, зависимые от хунну, были обязаны поставлять воинские контингента для участия в боевых действиях на стороне метрополии кочевой империи или выполнять аналогичные обязанности на своей территории¹⁹.

Следует оговориться, что такое положение существовало не всегда. В периоды кризисов и ослабления хунну зависимые от державы народы переставали платить дань, поставлять воинские формирования и даже сами (и/или в сговоре с китайцами) совершали набеги на владения бывшего сюзерена. Но как только ситуация внутри метрополии кочевой империи стабилизировалась, карательные рейды хуннских полководцев возвращали бунтовщиков и изменников к покорности. Такая ситуация сохранялась практически до распада Хуннской империи в середине I тыс. н. э.

ЭКОНОМИКА ХУННСКОЙ ИМПЕРИИ

Китайские хроники сохранили описание образа жизни кочевников хунну. В самом начале 110-й главы своих знаменитых «Исторических записок» великий китайский историк Сыма Цянь пишет о северных соседях: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений»²⁰. Нечто похожее увидел в степи еще спустя полтора тысячелетия венецианский купец Марко Поло: «Зимой татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища. Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглые; всюду с собой их переносят... Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся; воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу»²¹. Впрочем, аналогичные описа-

¹⁷ ЛГЧХ. С. 244; Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 103, 105, 144, 216. Т. II. С. 161, 188; Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 54, 126; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. М., 1984. С. 65, 297–298, 328.

¹⁸ Там же. С. 65, 70; ЛГЧХ. С. 16, 18, 29, 205, 208, 241; Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 45–50, 55. Т. II. С. 155, 218; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 38–39, 41, 43. Вып. 2. С. 25–26, 30, 49, 125.

¹⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 154. Т. II. С. 155, 214; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40, 70, 75. Вып. 2. С. 125.

²⁰ ЛГЧХ. С. 3, 31; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 34, 46.

²¹ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 88.

ния содержатся и в отношении еще более поздних кочевников²². Даже численность населения у хунну и количество скота вполне сопоставимы с численностью монголов начала XX в. и поголовьем их стад²³. Итак, можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета кочевников монгольских степей были детерминированы специфической экологией обитания подвижных скотоводов аридных зон и в своей основе мало изменились со времен глубокой древности вплоть до рубежа нового времени. В целом такая экологическая и экономическая адаптация предполагала достаточно ограниченный (а с точки зрения современного «цивилизованного» человека – суровый) способ существования. «Бедный кочевник – чистый кочевник», – сказал О. Латтимор²⁴. На основе чего же держались Хуннская и другие грозные «кочевые империи»?

Казалось бы, проще всего для кочевников было дополнять свою экономику иными видами хозяйственной деятельности, в первую очередь земледелием, тем более что многочисленные факты свидетельствуют о наличии у кочевников зачатков собирательства и земледелия²⁵. Но оседлость и земледелие в массовом масштабе возможны только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм или имеется разветвленная речная сеть²⁶. Большая часть территории Монголии, где кочевали со своими стадами хунну, под эти условия не попадает. Там всего 2.3% земель пригодны для занятия земледелием²⁷. К тому же отказ от подвижного образа жизни рассматривался номадами как крайне нежелательная альтернатива. Кочевник психологически отрицательно относился к стационарности как оскорбляющей самолюбие свободного номада. Не случайно, например, у средневековых монголов и татар существовала поговорка: «чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь»²⁸. Поэтому, как показывают многочисленные этнографические данные, перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние как вынужденное и при первой же возможности возвращались к подвижному скотоводству²⁹.

По данным причинам кочевники чаще предпочитали развивать сельскохозяйственный сектор в экономике путем включения в состав своих обществ земледельческого населения, попавшего в степь из соседних государств. Это могли быть: 1) уг-

²² *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Т. I. СПб., 1875. С. 141; *Майский И.М.* Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 33–35; *Певцов М.В.* Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951. С. 112 сл.; *Калиновская К.П., Марков Г.К.* Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // Вестник МГУ. Серия «история». 1987. 6. С. 59–60; *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 130, 153–162, 168, 260, 335 и др.

²³ *Майский.* Ук. соч. С. 67, 124, 134; *Egami Namio.* The economic activities of the Hsiung-hu // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 5. М., 1963; см. также *Таскин В.С.* Скотоводство у сонну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 41–44; *Хазанов.* Социальная история скифов. С. 264–265; *Тортика А.Л., Михеев В.К., Кортиев Р.И.* Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. 1.

²⁴ *Lattimore.* Inner Asian Frontiers... P. 522.

²⁵ *Хазанов.* Социальная история скифов. С. 11–12, 117, 150–151; *Марков.* Кочевники Азии. С. 159, 162–167, 209–210, 215–216, 243; *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 29–30; *Гаврилюк Н.А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 35–37; *Пиков Г.Г.* Западные кидани. Новосибирск, 1989. С. 123–124; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 113–114; *Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С. 48–53; *Масанов.* Ук. соч. С. 73–76.

²⁶ *Масанов.* Ук. соч. С. 41.

²⁷ *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М., 1952. С. 192, 207, 220–233.

²⁸ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л., 1936. С. 213. Прим. 46.

²⁹ *Толыбеков С.Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата, 1959. С. 335–338; *Марков.* Кочевники Азии. С. 139–140, 163, 165, 243–244; *Khazanov.* Nomads and the Outside World. P. 83–84; *Косарев.* Древняя история Западной Сибири... С. 46–50; *Шнирельман В.А.* «Диффузия идеи», кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах // СЭ. 1991. № 2. С. 23.

нанные в плен крестьяне и ремесленники; 2) лица, бежавшие кномадам в силу различных обстоятельств (преступники, должники, рабы и иные эксплуатируемые категории и др.); 3) жители присоединенных к кочевой империи оседлых народов.

Все эти варианты известны и в хуннской истории. Описание отношений между древнекитайской династией Хань и Хунну дает богатый цифровой материал в отношении пополнения земледельческо-ремесленного сектора хуннской экономики угнанными китайцами. Можно выделить три волны в походах номадов за военнопленными в Китай. Первая волна – это период правления первых трех самых знаменитых правителей Хуннской державы (Модэ, Лаошана и Цзюньчэня), этап чередования набегов и вымогания «подарков» из Китая. В летописях периодические упоминания об уводе населения в степь фиксируются с возникновения Хуннской державы на рубеже III–II вв. до н.э. вплоть до установления в 157 г. до н.э. стабильной приграничной торговли. Вторая волна приходится на хунно-ханьскую войну, развязанную воинственным китайским императором У-ди (увод пленных в 128–123, 121–120, 108–107(?), 102, 91, 73³⁰ годах до н.э.). Третья волна связана с хунно-китайскими войнами при императоре-узурпаторе Ван Мане. Известны уводы ханьцев в 11, 12, 25–27 и 45 годах н.э., но, вероятнее всего, пленников угоняли в Халха-Монголию на протяжении всей войны вплоть до распада хуннской державы в 48 г.³¹ Перебежчиков в хуннской державе, наверное, также было немало, хотя на этот счет не имеется точных цифровых выкладок. Обеспокоенность китайской администрации данной проблемой неоднократно вынуждала ханьских императоров обращаться к шаньюям с просьбой не принимать перебежчиков.

Пленники и перебежчики селились в специальных населенных пунктах в местах, пригодных для занятия земледелием или хотя бы огородничеством. Они снабжали кочевую часть хуннской имперской конфедерации продуктами земледелия и изделиями ремесла. Археологическое обследование территорий Монголии и Забайкалья показывает, что в хуннское время существовало немало таких населенных пунктов³². Наиболее хорошо изучено из них Иволгинское городище на юге Бурятии. Городище представляло собой неправильный прямоугольник со сторонами примерно 200 × 300 м. С трех сторон оно было защищено фортификационными сооружениями (4 вала и 3 рва между ними), с четвертой стороны городище защищала р. Селенга. Многолетними археологическими исследованиями вскрыто около 1/10 от общей площади памятника, исследовано более 50 жилищ, а также много иных хозяйственных и прочих сооружений. Установлено, что большинство жителей городища занималось земледелием, оседлым животноводством (овца – 22%, крупный рогатый скот – 17%, свинья – 15%, кроме того, собака – 29%), рыболовством, а часть жителей наряду с сельским хозяйством и ремесленным производством. По концентрации в отдельных жилищах находок разных категорий прослеживается специализация их обитателей. Так, в одном из жилищ обнаружено большое число изделий и заготовок из кости, в другом – железные орудия труда и формочки для отливки металла, в третьем – много керамики и керамического брака, в четвертом – панцирные пластины и другие предметы вооружения³³.

На примере Иволгинского городища можно реконструировать характер хозяйственной деятельности оседлого населения Хуннской державы³⁴. Исходя из минимальных норм плотности (1.8–3.6 м² на человека) и гипотетического количества жилищ

³⁰ ЛГЧХ. С. 31, 33–34, 44–45, 48–50, 190, 205, 254–256.

³¹ ЛГЧХ. С. 32, 230; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 49. Вып. 2. С. 41.

³² *Майдар Д.* Монголии хот тосгоны гурван зураг: эрт, дундуд уе, ХХ зууны эх (Три карты городов и поселений Монголии: древние, средневековые и начало XX века). Улан-Батор, 1970; *Пэрлээ Х.* К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974; *Hayashi T.* Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. V. VI. Tokyo, 1984.

³³ *Давыдова.* Иволгинский комплекс...; она же. Иволгинский археологический комплекс.

³⁴ *Крадин Н.Н.* Империя Хунну (структура общества и власти): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999 (далее – Империя Хунну (2)).

можно вычислить, что максимальная численность одновременно живших жителей Иволгинского городища могла составлять 2,5–3 тыс. чел. Взрослое население за 40 рабочих дней могло собрать около 1,3 тыс. тонн зерна. По всей видимости, это был минимум, необходимый для воспроизводства жителям городища: 900 тонн на их питание и примерно 300 тонн (четвертую часть) на посевной запас. Оставшиеся около 100 тонн могли использоваться на подкормку крупного рогатого скота в периоды лактации и посевой, прикорм молодняка и свиней, которых активно разводило население городища, и т.д. Кроме производящего хозяйства для пополнения диеты белковой пищей жители городища занимались в зимнее время охотой и рыболовством (с мая по конец лета).

Для снабжения продуктами земледелия кочевников были необходимы дополнительные трудовые затраты. Можно подсчитать, что за 77 рабочих дней с территории активного хозяйственного использования (на расстоянии одного часа пути пешком от городища = 5 км) можно было собрать еще 1 тыс. тонн зерна. При условии использования собранного зерна в качестве пищевой добавки (например, в течение зимы) им можно было снабдить более 13 тыс. номадов. Если же допустить, что население городища использовало под поля территорию, удаленную от жилья более чем на 5 км, или имело заимки, а совокупное число рабочих дней было доведено до 100 в году, то общее количество прибавочного продукта будет большим.

Вместе с тем внутренняя седентеризация не могла полностью обеспечить хуннское общество собственной ремесленно-земледельческой продукцией. Поэтому они получали недостающие продукты сельского хозяйства и товары ремесленников посредством развития широких обменных связей с Китаем и странами «Западного края», установления даннических отношений с более слабыми соседями, организации политики чередования периодических набегов на Китай и вымогания от китайской администрации так называемых «подарков».

В источниках имеются сведения о существовании в определенные периоды хунно-ханьских отношений приграничной торговли между ханьцами и хунну. Официально рынки были открыты только для товаров нестратегического назначения, но фактически здесь же китайские контрабандисты снабжали кочевников запрещенными товарами (оружием, железом и пр.)³⁵. Наивысшего расцвета торговля между Хунну и Хань достигла во второй половине II в. до н.э. Необходимость существования торговых пунктов для кочевников была настолько велика, что они иногда функционировали даже в периоды активизации грабительских набегов хунну на Китай³⁶. Кстати, китайцы прекрасно осознавали, что номады больше них нуждаются в обмене продукцией, и часто использовали внешнюю торговлю как средство политического давления на номадов, так что последним нередко приходилось отстаивать свои права на торговлю вооруженным путем.

В то же время, отдавая должное мирным связям хунну и китайцев, не следует недооценивать степень милитаризованности жизни кочевников. Последние всегда представляли определенную угрозу для китайских царств. Все взрослые мужчины входили в состав военно-иерархической организации хуннского общества³⁷. Хронисты образно именовали Хуннскую державу «царством военных коней». «Сюнну открыто считают войну своим занятием», – говорил в беседе с ханьским послом один из китайцев, перешедших на сторону номадов. «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии», – предупреждал китайского императора У-ди один из его чиновников. Эта линия прослеживается даже в официальных политических документах. Так, например, в заглавии официального письма китайского императора правителю Хуннской державы от 162 г. до н.э.

³⁵ *Tu Ying-shih. Trade and Expansion in Han China. Berkeley, 1967. P. 101, 117–122.*

³⁶ ЛГЧХ. С. 33–34, 191, 242, 261; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 50–51. Вып. 2. С. 22, 51, 64.

³⁷ ЛГЧХ. С. 3, 31; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 34, 36.

ханьцы характеризуются как народы, «носящие пояса и шапки чиновников», а хунну противопоставляются им как «владения, натягивающие лук»³⁸. Агрессивный характер внешней политики номадов отражают и статистические данные. За 250 лет существования Хуннской империи номады по разным способам подсчета от 47 до 80 лет вели военные действия на территории Китая, тогда как ханьцы только 15 раз совершали походы на север за Великую стену³⁹.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Хуннская держава, как и другие кочевые империи, имела автократический и государственноподобный вид снаружи (так как была создана для изъятия прибавочного продукта извне степи), но оставалась консультативной, основанной на племенных связях внутри. Такие общества можно называть *ксенократическими* (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть)⁴⁰. Стабильность Хуннской и иных степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, сельскохозяйственных продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых территорий. Поскольку эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель номадического общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи, усиливая тем самым свою власть и одновременно поддерживая существование империи, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики. Такая же двойственность обнаруживается в экономике Хуннской империи. «Имперский уровень правительства финансировался ресурсами, получаемыми из-за пределов степи, без обложения налогами скотоводов в империи, – пишет Т. Барфилд. – Получение этой “иностранной помощи” силой или мирными средствами было первоочередной обязанностью имперского правительства»⁴¹. Американский антрополог весьма точно подметил двойственный характер природы власти шаньюя. Если в военное время шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен – членов «имперской конфедерации», то в периоды мира он вымогал от Хань «подарки» для раздачи родственникам, вождям племени и дружине и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных).

Важно отметить, что «подарки» китайских императоров оставались на верхних уровнях общественной пирамиды хуннской державы. Известно, что ежегодные выплаты Хань кочевникам составляли 10 000 *даней* рисового вина, 5 000 ху проса и 10 000 кусков (*ни*) шелковых тканей⁴². В то же время известно, что среднегодовой паек зерна для взрослого мужчины по китайским нормам составлял в пределах 36 ху (720 л) или чуть более⁴³. При таком нормировании данного количества зерна ежегодно могло хва-

³⁸ ЛГЧХ. С. 30–32; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 46–48, 75.

³⁹ *Крадин*. Империя Хунну (1). С. 68.

⁴⁰ *Он же*. Особенности класообразования и полигогенеза у кочевников // Архаическое общество. Узловые проблемы социологии развития. 4. 2. М., 1991; *он же*. Кочевые общества; *он же*. Проблеми формаційної характеристики кочових суспільств // Археологія. 1992. 2; *он же*. Структура власти в государственных образованиях кочевников. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993; *idem*. Specific Features of Evolution in the Nomadic Societies // Prehistory and Ancient History. 1993. 4; *он же*. Кочевые общества в контексте стадильной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. 1; *он же*. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995; *idem*. The Origins of the State Among the Pastoral Nomads // Etnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main, 1995.

⁴¹ *Barfield*. The Hsiung-nu Imperial Confederacy... P. 58.

⁴² ЛГЧХ. С. 191; Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 22.

⁴³ *Loewe M.A.* Records of the Han Administration. V. 2. Camb., 1967. P. 65–75; *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 200–201.

тать лишь для полутора сотен человек. Если использовать хлебные продукты только в качестве пищевой добавки (например, в размере 20% от нормы), данного количества зерна могло хватить для питания в течение года примерно 700–800 чел. Следовательно, императорские поставки хлеба могли предназначаться только для удовлетворения нужд шаньюевой ставки⁴⁴. Это подтверждается и археологическими источниками. Лаковая посуда и другие предметы китайского производства встречаются главным образом в захоронениях хуннской элиты⁴⁵.

Другое дело вино. Оно было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта у неизбалованных благами «цивилизации» хуннов. Согласно приведенным выше данным китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 000 *даней* рисового вина (кит. *нецзю* – винной закваски), что соответствовало 200 тысяч литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 550 литров в день. Условно на каждого представителя хуннской высшей военной элиты (от *тысячников* и выше, поскольку вряд ли такой дефицитный товар доходил до простых воинов) приходилось более 1.5 литров рисового вина! Понятно, что вино потребляли не только военачальники, но все равно объемы поставок выглядят внушительно. Схожие явления фиксировались в истории неоднократно, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения дикого Запада американскими пионерами.

Основное население «имперской конфедерации» также испытывало потребность в получении продукции из земледельческого мира. Номадам был необходим шелк для одежды, зерно и некоторые другие сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и металл. По этой причине шаньюй был вынужден отстаивать интересы своего народа перед стремящимся к автаркии южным соседом⁴⁶ и вымогать право на торговлю, угрожая возобновлением набегов на пограничные провинции Китая. Так он мог поддерживать свою власть среди скотоводов, не прибегая к войне или грабегам. Его роль как посредника между Хань и степняками стала такой же важной, как и его статус верховного главнокомандующего. Поэтому шаньюи тщательно охраняли свою исключительную монополию на осуществление международных политических отношений с Китаем от имени всех племенных федератов степной «империи». Нарушители монополии на осуществление внешней политики шаньюя в периоды сильной власти сурово наказывались. Известен случай, когда в 177 г. до н.э. правый сянь-ван без согласования со ставкой совершил набег на приграничные территории округа Шанцзюнь и был строго наказан: его послали на опасную войну против юэчжей⁴⁷.

Разумеется, в периоды ослабления единоличной власти шаньюя наиболее влиятельные «князья» также пытались завязывать неофициальные контакты с китайскими дипломатами, и те активно вступали в такие связи⁴⁸. Но в целом данная практика была нехарактерна. Можно согласиться с мнением Т. Барфилда, что в Хуннской истории имелось немало случаев, когда соблазненные подарками и титулами вожди дезертировали вместе со своими племенами за Великую стену, но ни один племенной вождь или региональный наместник не имел права самостоятельно контактировать с Ханьским правительством и оставаться в рядах степной империи⁴⁹.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен по мере необходимости, шаньюй увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно как бы свя-

⁴⁴ Barfield. The Perilous Frontier... P. 47.

⁴⁵ Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. С. 96; Коновалов. Хунну в Забайкалье. С. 198, 218; Амоголонов А.А., Филиппова И.В. Лаковые и лакированные изделия в памятниках хунну // 275 лет сибирской археологии. Материалы XXXVII РАСК. Красноярск, 1997.

⁴⁶ Lattimore. Inner Asian Frontiers... P. 478–480.

⁴⁷ ЛГЧХ. С. 28–29.

⁴⁸ См., например: ЛГЧХ. С. 204; Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 24.

⁴⁹ Barfield. The Hsiung-nu Imperial Confederacy... P. 57.

звал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а с другой, могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от шаньюя дар, реципиент как бы приобретал от него часть «сверхъестественной благодати», чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа. Из ханьских «подарков» самую большую ценность представлял шелк. Его общее количество, ежегодно поставляемое в степь, определялось в 10 000 *пи*. Если исходить из принятой в ханьское время системы измерений, то один «кусок» (*пи*) представлял собой отрез длиной 9.24 м и шириной 50 см⁵⁰. Исходя из этих данных можно подсчитать, что 10 000 *кусков* равнялось примерно 92 400 м. Даже при этих самых приблизительных подсчетах очевидно, что этот шелк расходовался не столько на изготовление одежды для двора шаньюя (из такого количества тканей можно было сшить несколько тысяч шелковых халатов разного покроя), сколько на массовые раздачи племенным вождям и воинам, а также был предметом торга на северных дорогах Великого шелкового пути.

Посылая кочевникам «подарки», китайские политики, вероятно, рассчитывали на простую человеческую алчность. Они полагали, что шаньюй опьянеет от количества и разнообразия редких диковинок и будет их копить в своей сокровищнице на зависть подданным или тратить на всяческие сумасбродства. Однако они так и не поняли, на чем зиждется фундамент степной политики (как позже они не могли взять в толк, зачем, например, сын Чингис-хана Угэдэй занимался массовыми, бессмысленными – с их точки зрения – раздачами). Однако статус правителя степной империи зависел, с одной стороны, от возможности обеспечивать дарами и благами своих подданных, а с другой – от военной мощи державы, позволяющей совершать набеги и вымогать «подарки», так что причиной постоянных требований шаньюя об увеличении подношений была не его личная алчность (как ошибочно полагали китайцы!), а необходимость поддерживать стабильность военно-политической структуры. Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, по мнению Т. Барфилда, – это обвинение в скупости⁵¹. Правитель должен быть щедрым. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а напротив, усиливали власть и влияние правителя «имперской конфедерации». И пока хуннские шаньюи соблюдали эти в общем-то несложные принципы, единство степной империи было непоколебимым.

СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Во главе хуннского общества находился шаньюй. Он являлся верховным правителем степной империи, представлял ее в политических и экономических отношениях с другими странами и народами. В его компетенцию входили объявление войны и мира, заключение политических договоров, право получения «подарков» и дани и их редистрибуция, заключение династических браков и т.д. По всей видимости, шаньюй был также верховным главнокомандующим, высшей судебной инстанцией⁵² и выполнял наиболее важные религиозные обряды, обеспечивая номадам покровительство со стороны сверхъестественных сил. В официальных документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе, как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну».

⁵⁰ *Loewe. Records... V. 1. P. 161; Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров. Ук. соч. С. 160.*

⁵¹ *Barfield. The Hsiung-nu Imperial Confederacy... P. 56 f.*

⁵² *Таскин. Предисловие // Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 7–11.*

Шаньюй имел многочисленных родственников, которые относились к его «царскому» роду Люаньди (Луаньти, Сюйляньти): братьев и племянников, жен (*яньчжи*), сыновей и принцесс (*цзюйцзы*) и т.д. Самыми титулованными из родственников шаньюя являлись десять высших *темников*, которые составляли соответственно четыре и шесть «рогов». Первых четырех китайские летописцы называли титулом *ван* (князь). Кроме родственников шаньюя, в число высшей хуннской аристократии входили и другие знатные «семейства» – Хуянь, Лань и позднее появившиеся роды Сюйбу и Цюлинь⁵³. Часть их представителей также занимали высокие военно-административные должности *темников*.

Следующую ступень в хуннской иерархии занимали племенные вожди и старейшины. В летописях, как правило, они обозначаются как «небольшие князья», *дувэи*, *данху*, *цецзюи*⁵⁴. Наверное, часть *тысячников* были племенными вождями. Сотники и десятники являлись, скорее всего, родовыми (клановыми) старейшинами различных рангов. В обязанности вождей и старейшин входили хозяйственные, судебные, культовые, фискальные и военные функции.

У хунну имелась определенная прослойка служилой знати. В первую очередь это дружина шаньюя, связанная с ним отношениями личной преданности. Возможно, наиболее доверенным дружинникам давались титулы *гудухоу*. Помимо номадов, к категории служилой аристократии следует отнести иммигрантов из Китая, ставших советниками при дворе шаньюя, либо удостоившихся других должностей в административной иерархии империи. Они оказались очень полезными консультантами шаньюев, знакомя номадов с китайской тактикой военного дела, ведением земледельческого хозяйства, иероглифической письменностью, основами придворного этикета и администрирования⁵⁵. Несколько ниже служилой знати на иерархической лестнице располагались вожди нехуннских племен, включенных в состав имперской конфедерации или зависимых племен и владений, плативших номадам дань.

Основное население Хуннской державы составляли простые кочевники-скотоводы. Исходя из некоторых косвенных данных можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета хунну были детерминированы специфической экологией обитания и в своей основе мало чем отличались от особенностей культуры кочевников монгольских степей более позднего времени⁵⁶. В письменных источниках отсутствуют сведения относительно различных категорий бедных и неполноправных лиц, занимавшихся скотоводством у хунну. Поэтому, основываясь на более общих закономерностях эволюции кочевых обществ, можно только предполагать, что такие лица у хунну могли быть. Также не известно, насколько у хунну были распространены рабовладельческие отношения, хотя источники буквально пестрят данными об угоне номадами в плен земледельческого населения. Сравнительно-исторические этнологические исследования убедительно показывают, что ни в одном из скотоводческих обществ рабство не получило значительного распространения⁵⁷. Во-первых, использование рабского труда в выпасе скота экономически неэффективно. В скотоводческом труде потребности в дополнительных рабочих руках ограничены, они полностью удовлетворялись за счет внутренних ресурсов, и приток рабов извне был не нужен. Во-вторых, при кочевом образе жизни были сравнительно легкие условия для бегства и одновременно существовала опасность повышенной концентрации ра-

⁵³ ЛГЧХ. С. 17, 680–681; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40.

⁵⁴ ЛГЧХ. С. 17; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40.

⁵⁵ Pritsak O. Die 24 Ta-ch'en: Studien zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung nu Reiche // Oriens Extremus. 1954. 1. S. 178–202.

⁵⁶ Крадин. Империя Хунну (1). С. 80–96.

⁵⁷ Нибур Г. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М., 1907; Семнюк Г.И. К проблеме рабства у кочевых народов // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1. Алма-Ата, 1958; Хазанов. Социальная история скифов.

бов в одном месте при весьма низкой демографической плотности свободного населения. В-третьих, скотоводческий труд требовал определенной квалификации, личной заинтересованности и в то же время во многих скотоводческих обществах считался престижным. Скорее всего, правы те исследователи⁵⁸, которые считают, что подавляющее число военнопленных занималось земледелием и ремеслом в специально созданных для этого поселениях. Однако по социально-экономическому и юридическому положению большинство этих лиц – *цинцзев* (среди них было много и свободных перебежчиков) – являлись не рабами, а совершенно иной категорией населения. Их социальный статус, скорее всего, был неодинаковым, от весьма условного «полуассалитета» до некоего подобия «полукрепостничества». Классическим поселком такого типа являлось Иволгинское городище в Бурятии⁵⁹.

Археологические данные существенно дополняют сведения летописей. Чем выше был статус индивида, тем больше были затраты на сооружение погребальной конструкции и более пышным опущенный с ним в могилу инвентарь. Монументальные сооружения создают специфическое священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти (применительно к хунну – так называемые царские курганы со всей атрибутикой, включая дромос – «дорожку» в загробный мир). Фокусируя ландшафт на себе, воплощая «максимальную сакральность» социума, монументальные памятники как бы представляют в опредмеченной форме реальный политический контроль и собственность.

Еще до образования империи, в период Чжаньго у хунну существовала значительная стратификация. На одном полюсе – простые захоронения рядовых номадов. На другом – могилы представителей племенной верхушки, в которых обнаружено большое количество украшений для колесниц, редкое оружие, ювелирные изделия и пластины с высокохудожественными изображениями животных из золота, жезлы, навершия знамен и пр. (могильники Алучжайдэн и Сигоупань во Внутренней Монголии)⁶⁰.

В период расцвета империи хунну социальное расслоение еще более увеличилось. В Ноин-Уле, Бор Булаге, Бурлите (Монголия) и в Ильмовой пади, Цараме, Оргойтоне (юг Бурятии) расположены монументальные «царские» и «княжеские» курганы хуннской элиты, на сооружение которых требовались немалые усилия⁶¹. Так, например, самый известный из хуннских курганов, исследованный в 1924–1925 годах экспедицией П.И. Козлова, представлял собой сооружение с прямоугольной насыпью размером 14 × 16 м и высотой более 1.5 м. Могильная яма уходила крутыми ступами на глубину 9 м. С южной стороны яма имела более пологий дромос, обрамленный каменной кладкой. Внизу в двух срубках находился гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов была задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. Покойного сопровождал богатый погребальный инвентарь. Погребения простых номадов гораздо проще и беднее по инвентарю. Обычно это округлые или четырехугольные каменные насыпи размером (диаметром) 5–10 м. Глубина могильной ямы – обычно до 3 м. На дне ямы стоял деревянный гроб (реже гроб в срубе). Захоронение сопровождалось отдельными предметами вооружения, сбруи, орудиями труда, украшениями и заупокойной пи-

⁵⁸ Гумилев. Хунну. С. 147; Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. С. 70–71; Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 145; Хазанов. Социальная история скифов. С. 139–144.

⁵⁹ Давыдова. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1–2.

⁶⁰ Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Ук. соч.

⁶¹ Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монгольско-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925; Доржсурэн. Умард хунну; Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы; Коновалов. Хунну в Забайкалье; он же. Окончание раскопок хуннского кургана в Ильмовой пади // Археологические открытия 1975 г. М., 1976; Цэвэндорж Д. Новые памятники хуннской знати // Международная конференция «100 лет гуннской археологии...».

щей⁶². Но если сравнить погребения кочевников с могилами оседлого населения, проживавшего на территории Иволгинского городища, то последние выглядят еще проще и беднее⁶³.

Исследования общественной структуры хуннского общества по данным археологии еще только начинаются⁶⁴. Тем не менее статистический анализ 342 погребений из четырех наиболее изученных могильников хунну на территории Бурятии выявил наличие социальной дифференциации среди различных половозрастных групп в разных могильниках на территории Бурятии⁶⁵. Самые богатые захоронения сконцентрированы в могильнике Ильмовая падь. Здесь выделяются три ранга погребений мужчин и женщин. Мужские захоронения Черемуховой пади и Дэрестуйского Култука объединяются в несколько разных групп, которые, возможно, отражают характер их деятельности при жизни. В женских погребениях Черемуховой пади выделены «богатые» и более простые захоронения. Среди женских могил Дэрестуйского Култука дифференциации не выявлено. В Иволгинском могильнике, оставленном оседлым населением империи, выявлено четыре иерархических ранга у мужчин и пять у женщин. Среди детских захоронений хуннского времени в Бурятии тоже можно проследить определенную дифференциацию на «богатые» и «бедные» погребения (наиболее отчетливые отличия в Иволгинском могильнике, где выделяется три-четыре группы). Однако необходимо иметь в виду, что часть детских погребений, в том числе не самых бедных, как это было показано С.С. Миняевым⁶⁶, была связана с жертвоприношениями. Все это свидетельствует о существовании в Хуннской державе сложной, многоуровневой иерархии статусов, которая лишь частично отражена в древнекитайских летописных текстах.

Насколько жесткой была эта общественная пирамида? Возможно ли было индивиду преодолеть иерархические ступени и повысить свой административный и социальный статус? Исследования по социальной антропологии народов Евразии показывают, что для кочевников-скотоводов была характерна так называемая генеалогическая система родства⁶⁷. Ее значимость применительно к проблеме вертикальной мобильности выражалась в том, что: 1) статус и власть, как правило, передавались внутри одной генеалогической группы в соответствии с принципами старшинства; 2) ни один индивид не мог существовать вне рамок какой-либо кланово-родовой группы; 3) социальный статус конкретного индивида нередко обуславливался статусом его генеалогической группы среди других аналогичных групп. Следовательно, возможности вертикальной мобильности были ограничены местом в социальной генеалогии того или иного кланового подразделения. Наиболее реальным способом повышения персонального статуса, правда лишь до известных пределов, являлась преданность правителю и личная воинская доблесть.

⁶² Доржсурэн. Умард хунну; Коновалов. Хунну в Забайкалье; Цэвээндорж Д. Новые данные по археологии хунну (По материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985; Миняев С.С. Изучение погребений сюнну в Забайкалье // Археологические вести. Вып. 1. СПб., 1992.

⁶³ Давыдова. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2.

⁶⁴ Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. 1982. № 1; Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. 184; он же. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском комплексе // КСИА. 1988. 194.

⁶⁵ Крадин. Империя Хунну (2). С. 34–38; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2000.

⁶⁶ Миняев. К топографии...; он же. Комплекс погребений 44...

⁶⁷ Krader. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads; Марков. Кочевники Азии; Khazanov. Nomads and the Outside World; Масонов. Ук. соч.

Хуннская держава при Модэ была разделена на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Центром – племенами «метрополии» степной державы – непосредственно управлял шаньюй. Ему подчинялись 24 высших должностных лица, которые руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание «темников» (т.е. «десятитысячников»). Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола. Его соправителем, руководителем и соправителем правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (*ванов*). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные темники реально имели менее 10 тыс. конников⁶⁸. На низшем уровне административной иерархии находились местные племенные вожди и старейшины. Официально они подчинялись 24 наместникам из центра. «Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев»⁶⁹. Однако на практике зависимость племенных лидеров была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Общее число данных племенных групп в пределах хуннской имперской конфедерации неизвестно.

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувэи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно и имели разные функции. Система недесятичных рангов использовалась для гражданского управления племенами. Система десятичных рангов применялась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись в одну или несколько армий⁷⁰.

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но простыми традиционными нормами. В целом, как оценивали хуннские законы китайские хронисты, наказания у кочевников были «просты и легко осуществимы» и сводились главным образом к палочным наказаниям, ссылке и смертной казни. Это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Не случайно для китайцев, с детства привыкших к громоздкой и неповоротливой бюрократической машине, система управления хуннской конфедерацией казалась предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом»⁷¹.

Стройная система рангов, разработанная при Модэ, не сохранилась в дальнейшем. Впрочем, она и не могла сохраниться. Это связано с тем, что в силу традиционной для кочевой аристократии практики полигамии, воспроизводство элиты в кочевых империях осуществлялось едва ли не в геометрической прогрессии. Разумеется, право на наследование положения и основного имущества имели не все потомки, а, как правило, сыновья от главной жены. Остальные наследовали только достаточно высокий статус (скорее всего, в соответствии с принципом конического клана). Однако это не лишало всех наследников места в генеалогической иерархии; исключения делались для любимчиков или детей от молодых любимых жен. Все члены рода

⁶⁸ ЛГЧХ. С. 17; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40, 92, 163–164.

⁶⁹ ЛГЧХ. С. 17; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 40.

⁷⁰ Barfield. The Perilous Frontier... P. 38.

⁷¹ ЛГЧХ. С. 31; Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 46.

Люаньди поголовно имели право претендовать на место под солнцем в хуннской социальной лестнице.

Выделяются несколько периодов наиболее активного введения новых титулов⁷². Первый приходится примерно на 100–50 годы до н.э. В этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, то между ними неизбежно должна была возникнуть острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами. Это привело, в конечном счете, к временному распаду Хуннской державы на несколько враждующих между собой объединений и к гражданской войне 58–36 годов до н.э. Следующий период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н.э. Сложившаяся после гражданской войны новая комбинация политических сил постепенно затвердела в прочную иерархию. В свете новой внешней политики требовалась корректировка административной системы управления, часть старых титулов оказалась косвенно скомпрометированной негативной связью с кем-либо из мертвых врагов или предателей. Необходимо было закрепить новый принцип наследования власти, отработать принципы принятия политических решений, ввести новые должности и адекватные им пышные титулы. В конечном счете, новый рост представителей высшей элиты кочевников вызвал усиление столкновений за ограниченные ресурсы и привел к распаду степной империи в 48 г. н.э. на северную и южную конфедерации⁷³.

Третье и последнее масштабное появление новых титулов относится ко времени разделения хуннской державы на враждующие группировки. Китайский историк Фань Е дал подробное описание политической системы южной конфедерации этого времени⁷⁴. Теоретически его описание можно экстраполировать как на северных хунну, так и на потестарно-политическую систему Хуннской державы I в. н.э. в целом. Это дает уникальную возможность проследить динамику политических институтов у хунну на протяжении 250 лет. Основные изменения между державой эпохи Модэ и обществом хунну накануне распада были таковы: 1) переход от троичного военно-административного деления к дуальному; 2) Сыма Цянь писал о четко разработанной военно-административной структуре с 24 темниками; Фань Е не упоминает о «десятичной» системе, вместо военных званий темников перечисляются гражданские титулы князей (*ванов*); 3) по «Ши цзи» к ванам отнесены только так называемые «четыре рога» (левый и правый *сянь-ваны* и *лули-ваны*). По «Хоу Хань шу» «шесть рогов» также отнесены к ванам; 4) в Хуннской империи изменился порядок престолонаследия. Если первоначально престол шаньюя передавался от отца к сыну (за исключением нескольких экстраординарных случаев), то постепенно стал преобладать другой порядок – *удельно-лестничный*: от брата к брату и от дяди к племяннику; 5) у хунну возобладали принцип *соправительства* (по В.В. Трепавлову⁷⁵), согласно которому у правителя кочевой империи имеется соправитель, управляющий младшим по рангу «крылом». Должность младшего соправителя наследуется внутри его линии, но его наследники не могут претендовать на трон шаньюя⁷⁶. Все эти изменения свидетельствуют о постепенном ослаблении авторитарных отношений в империи и замене их связями конфедеративными, о чем, в частности, свидетельствует переход от троичного административно-территориального деления к дуально-

⁷² Крадин. Империя Хунну (1). С. 125–132.

⁷³ Это была не единственная вероятная причина гибели хуннской державы. О других версиях подробнее см. Крадин Н.Н. Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 9. История народа хунну. Ч. 1. М., 1998. С. 437–440; он же. Империя Хунну (2). С. 29.

⁷⁴ ЛГЧХ. С. 680–681. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 73.

⁷⁵ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 76–96.

⁷⁶ Крадин. Империя Хунну (1). С. 132–135.

му. Оттеснялись на задний план военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племена-ми. Империя постепенно трансформировалась в племенную конфедерацию.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Может ли считаться Хуннская держава государством? До сих пор специалисты не могут прийти к единому мнению относительно уровня развития хуннского общества. При этом высказывались самые разнообразные точки зрения. В отечественном и марксистском зарубежном кочевниковедении одни авторы относили хуннское общество к рабовладельческой стадии⁷⁷. К сожалению, эти (теперь уже) устаревшие взгляды до сих пор периодически встречаются в китайской историографии⁷⁸. Другие исследователи настаивали на догосударственном («военно-демократическом», племенном, дофеодальном) характере хуннского общества⁷⁹, третьи придерживались точки зрения о его раннегосударственной (раннеклассовой, раннефеодальной) природе⁸⁰, четвертые писали о сложившемся феодализме⁸¹. В зарубежной историографии уровень развития хуннского общества также оценивается по-разному. Одни исследователи полагают, что Хуннская держава представляла собой догосударственную племенную конфедерацию⁸². Другие оценивают уровень социальной интеграции хуннского общества как государственноподобный⁸³. Особую важность, с моей точки зрения, имеют работы Т. Барфилда, который развивает весьма плодотворную идею о том, что политическая организация у хунну в форме «имперских конфедераций» возникает как способ адаптации кочевников к соседним земледельческим цивилизациям⁸⁴.

Ответ на данный вопрос во многом зависит от избранной методологии исследования. В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющие процесс происхождения и сущность раннего государства. *Конфликтные* или *контрольные* теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, социальной борьбы, войны и межэтнического доминирования. *Интегративные* или *управленческие* теории ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции⁸⁵. Однако ни с точки зрения кон-

⁷⁷ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. 1934. 103; Ма Чаншоу. Лунь сюнну булу гоцзяди нуличжи (Относительно рабовладельческой системы хуннского племенного государства) // Лиши Яньцзю. 1954. 5 (на кит. яз.).

⁷⁸ См., например: Сюн Цуньжуй. Ук. соч.; Ма Жэньнань. Гуаньйюй сюнну нули чжиды жо-гань вэньти (Некоторые вопросы о рабовладельческом строе у сюнну) // Чжунго ши яньцзю. 1983. 3 (на кит. яз.).

⁷⁹ Гумилев. Хунну; Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы; Марков. Кочевники Азии. С. 45–47.

⁸⁰ Доржсурэн. Умард хунну; Таскин. Скотоводство...; он же. Предисловие // Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 3–17; Давыдова. Об общественном строе хунну; Хазанов. Социальная история скифов; Сухбаатар Г. Хунну нарын нийгмийн байгууллын тухай асуудлаас (К вопросу об общественном строе хуннов). Уланбаатар, 1975 (на монг. яз.); Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1983; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

⁸¹ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.

⁸² Yamada Nobuo. Formation of the Hsiung-nu nomadic state // Acta Orientalia Hungaricae. 1982. 36. 3.

⁸³ Mori Masao. Чугоку кодай ни океру юбоку кокка то ноко кокка (Кочевые государства и земледельческие государства в древнем Китае) // Рекишигаку кенкю. Т. 147. Токю, 1950 (на япон. яз.); Pritsak. Die 24 Ta-ch'en...; Mori Masao. Reconsideration of the Hsiung-nu state – a response to Professor O. Pritsak's criticism // Acta Asiatica. 1973. 24.

⁸⁴ Barfield. The Hsiung-nu Imperial Confederacy...; idem. The Perilous Frontier...

⁸⁵ Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства; Power Relations and State Formation. Washington, 1988; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Годинер Э.С. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991.

фликтного, ни с точки зрения *интегративного* подходов Хуннская держава (как и многие другие кочевые империи) не может быть однозначно интерпретирована ни как вождество, ни как государство. Ее государственный характер («узаконенное насилие») ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая организация для изъятия прибавочного продукта у соседей и для сдерживания давления извне; признание со стороны Китая в качестве самостоятельного «владения» и специфический церемониал во внешнеполитических отношениях). В то же самое время во внутренних отношениях «государственноподобные» империи номадов (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасиленных (консенсуальных и дарообменных) связях, они существовали за счет внешних источников, без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Наконец, в хуннском обществе отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза главным отличием государственных форм от догосударственных является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т.е. по сути личным авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного «аппаратного», обезличенного насилия⁸⁶. Характер власти хуннского шаньюя, в принципе, позволяет интерпретировать объем его могущества более как консенсуальный, лишенный монополии на законную силу. Шаньюй выступает главным образом в качестве редистрибутора, вся сила которого держится на личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными. Хуннская держава была основана на недостаточно стабильных дарообменных связях между шаньюем и вождями племен, в их обществе не известны массовый аппарат принуждения и писаное право. К тому же вооруженный номад – не очень удачный объект для принуждения. Сами хуннские вожди подчеркивали отличие своих соплеменников от китайцев: «По своим обычаям сюнну выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего исполнение повинностей»⁸⁷. Ситуация, сложившаяся в хуннском обществе, не являлась исключительной для империй кочевников. Внутреннее налогообложение отсутствовало и в державе гуннов в Европе. Все награбленное богатство раздавалось номадам⁸⁸. Секретарь римского посольства Приск встречался по дороге в ставку Аттилы со многими греками, захваченными ранее номадами в плен. «Они сообщили Приску, что жизнь в царстве Аттилы легче, чем в Римской империи. Им особенно нравилось отсутствие налогов. В то время как население империи страдало от вымогательств и злоупотреблений сборщиков налогов, Аттила вовсе не собирал налогов со своих подданных. У него не было нужды заботиться о налогах, поскольку казна была всегда полна трофеями войны и византийской данью»⁸⁹. Таким образом, Хуннская держава (как и большинство других кочевых империй) сочетала в себе как признаки сложного вождества, так и «зачаточного» (*inchoate*) раннего государства. В то же время нельзя не заметить, что по большинству структурных характеристик хуннское общество более тяготеет к предгосударственному, чем к государственному уровню политической интеграции. Для характеристики подобных обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем *сложные* вождества, но в то же самое время не являющихся государствами (даже ранними), был предложен термин «*суперсложное вождество*»⁹⁰. На этом понятии необходимо остановиться несколько более подробно. Теория вождества (от англ. *chiefdom*) принадлежит к числу наибо-

⁸⁶ Service. *Origins...* P. 16, 296–307; *Cameiro R.* The chiefdom as precursor of the state // *The Transition to Statehood in the New World.* Camb., 1981. P. 69–71.

⁸⁷ ЛГЧХ. С. 218; Материалы по истории сюнну. Вып. 2. С. 34.

⁸⁸ *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 129.

⁸⁹ *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. М., 1996. С. 159.

⁹⁰ *Крадин.* Кочевые общества. С. 152; ср. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 49.

лее фундаментальных достижений западной политантропологии. В рамках неэволюционистской схемы уровней социальной интеграции (локальная группа – община – вождество – раннее государство – национальное государство) вождество занимает среднюю ступень. В этой схеме вождество понимается как промежуточная стадия интеграции между акефальными обществами и бюрократическими государственными структурами, характеризующаяся централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического облика и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легитимного репрессивного и принудительного аппарата⁹¹. По степени сложности иерархии принято различать простые и составные вождества. Для простых вождеств характерен один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя, – как правило, более крупному поселению. Их население обычно было невелико, примерно до нескольких тысяч человек. Сложные (или составные) вождества состояли из нескольких простых вождеств, которые для удобства редистрибуции были включены в общую структуру в качестве полуассальных сегментов. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу характерных черт составных вождеств можно также отнести весьма вероятную этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. Р. Карнейро зафиксировал принципиальное структурное отличие между сложным и *суперсложным* вождествами (в его терминологии – «компаундным» и «консолидированным»). Компаундные вождества состоят из нескольких простых, над субвождями дистриктов (т.е. простых вождеств) находится верховный вождь, правитель всей политики. Однако Р. Карнейро заметил, что компаундные вождества при объединении в более крупные политики редко оказываются способными преодолеть сепаратизм субвождей и такие структуры быстро распадаются. Механизм борьбы со структурным расколом был прослежен им на примере одного из крупных индейских вождеств, обитавших в XVII в. на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Верховный вождь этой политики по имени Паухэтан, чтобы справиться с центробежными устремлениям вождей сегментов, стал замещать их своими сторонниками, которые обычно были его близкими родственниками⁹².

Схожие структурные принципы были выявлены нами в истории хунну. Хуннская держава состояла из полиэтничного конгломерата вождеств и племен, включенных в состав «имперской конфедерации». Племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их власть в известной степени была автономной от политики центра, основывалась на поддержке со стороны соплеменников. В отношениях с племенами, входившими в имперскую конфедерацию, хуннский шаньюй опирался на поддержку своих ближайших родственников и соратников, носивших титулы «темников» (имеются в виду те из 24 военачальников «темников», которые не являлись вождями племен «ядра» хуннского этноса). Они были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Эти лица должны были являться опорой политике метрополии на местах⁹³. Аналогичные структурные принципы были характерны для большинства кочевых империй Евразии. Так называемая «улусно-лестничная система» существ-

⁹¹ Service E. Primitive Social Organization. N.Y., 1962; *idem*. Origins...; Sahlins M. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968; Adams R.N. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, 1975; Cameiro. The Chieftdom...; Earle T. The Evolution of chieftdoms // Current Anthropology. 1989. 30/1; Johnson A., Earle T. The Evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.), 1987.

⁹² Cameiro R. The Calusa and the Powhatan, Native Chieftdoms of North America // Reviews in Anthropology. 1992. 22. 1.

⁹³ Крадин. Империя Хунну (2). С. 106–114.

вовала во многих политиях и мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней⁹⁴, у европейских гуннов⁹⁵, в Тюркском⁹⁶ и Уйгурском⁹⁷ каганатах, Монгольской империи⁹⁸. Кроме этого, во многих «квазимперских» политиях номадов и в кочевых империях была распространена практика посылки наместников для управления зависимыми народами (как *гудухоу* у хунну). Она зафиксирована у жужаней еще до образования ханства⁹⁹. В Тюркском каганате существовали лица, предназначенные для контроля над племенными вождями¹⁰⁰. Тюрки также посылали своих наместников (*тутуков*) для контроля над зависимыми народами¹⁰¹. После реформ 1206 г. Чингис-хан приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов¹⁰².

Если, как правило, численность сложных вождеств измеряется десятками тысяч человек¹⁰³ и они этнически гомогенны, то численность полиэтничного населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч и даже больше (применительно к кочевым империям Центральной Азии – в пределах 1–1.5 млн. чел.), их территория (особенно учитывая намного меньшую плотность населения кочевников!) в несколько порядков раз больше площади, обычной для простых и сложных вождеств. С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества считались самостоятельными субъектами международных политических отношений, нередко равными им по статусу государствами (в китайских летописях *го*). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами, соседними кочевыми империями и «квазимперскими» политиями номадов. Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать укрепленные городища, а «ставки» империй жужаней, тюрков и уйгуров представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае, скифские курганы в Причерноморье, хуннские захоронения в Ноин-Уле, Бесшатырские, Салбыкские, Иссыкские и Чиликтыйские курганы сакского времени в Казахстане, изваяния тюркским и уйгурским каганам в Халха-Монголии и пр.). В некоторых суперсложных вождествах кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в некоторых существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки), а некоторые из типичных кочевых империй (в первую очередь, Монгольскую державу первых десятилетий XIII в.) есть прямой соблазн назвать государством. Об этом, в частности, свидетельствуют упоминание в «Тайной истории монголов» системы законов (Яса), судебных органов власти, письменного делопроизводства и законотворчества (так называемая «Синяя тетрадь» – «Коко Дефтер-Бичик»), попытки введения налогообложения при Угэдэе. Однако нельзя забывать, что все данные общества отличает отсутствие специализированного бюрократического аппарата и монополии элиты на узаконенное применение силы. Именно это обстоятельство дает основание интерпретировать Хуннскую державу и большинство

⁹⁴ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 191; Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 76.

⁹⁵ Хазанов. Социальная история скифов. С. 190, 197.

⁹⁶ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 270; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 56–60.

⁹⁷ Barfield. The Perilous Frontier... P. 155.

⁹⁸ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 98–110.

⁹⁹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 268.

¹⁰⁰ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 283.

¹⁰¹ Там же. Т. 2. С. 77; Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979. С. 364; Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. С. 135 сл.

¹⁰² Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990. § 243.

¹⁰³ См., например: Johnson, Earle. The Evolution of Human Society. P. 314.

инных кочевых империй (при всей их внешней государственноподобности) как суперсложные вождества.

Могли ли некочевые народы создавать подобную форму политической организации? Данный вопрос, вне всякого сомнения, требует дополнительной проработки. Во всяком случае, Карнейро выделил данную модель на материале североамериканских индейцев. Однако необходимо заметить, что численность оседло-земледельческого населения, занимавшего пространство, примерно сопоставимое с территорией Хуннской державы, было бы в несколько десятков раз больше по численности населения кочевников скотоводов и вряд ли могло бы управляться догосударственными методами. Для кочевников же более характерна такая плотность населения, которая у земледельцев чаще встречается в доиерархических типах общества и в вождествах разной степени сложности. К тому же управление таким большим пространством у кочевников облегчалось спецификой степных ландшафтов и наличием мобильных верховых животных. С другой стороны, всеобщая вооруженность кочевников, обусловленная отчасти их дисперсным (рассеянным) расселением, их мобильность, экономическая автаркичность, воинственный образ жизни на протяжении длительного исторического периода, а также ряд иных факторов мешали установлению стабильного контроля над скотоводческими племенами и отдельными номадами со стороны высших уровней власти кочевых обществ. Все это дает основание предположить, что суперсложное вождество если и не являлось характерной исключительно для кочевников формой политической организации, то, во всяком случае, именно у номадов получило наибольшее распространение как в виде могущественных «кочевых империй», так и в форме подобных им квазимперских ксенократических политий меньшего размера. Именно в существовании этих моделей общественного развития заключается специфика эволюции кочевников скотоводов в доиндустриальный период всемирной истории.

THE STRUCTURE OF HSIUNG-NU EMPIRE

N. N. Kradin

The tribal confederation of Hsiung-nu was the first nomadic empire in Central Asia. It appeared on the border of the 3rd and the 2nd centuries BC. The main reason for its appearance was the necessity to resist the active expansion and acculturation from the south. Military and political talents of Maotun, the founder of the empire, were of great importance for its development.

The nomadic empire of Hsiung-nu was a tribal one. It was a tribal confederation in the sphere of internal relations and a "xenocratic" nomadic conqueror-state in respect of any other ethnos. Every pastoral nomad (a chief, a follower, an ordinary pastoral nomad) was involved in social structures, i.e. in a genealogical system, where tribes and clans were unequal. At the same time every nomad was a warrior and had his own place in the «decimal» classification (ordinary, foreman, commander of a hundred, etc.).

The balance of Shanyu's power was based upon his ability to organize military campaigns and upon redistribution of incomes from trade operations and raids on settled lands. Granting gifts to his citizens he obtained a monopoly on exercising home and foreign policy.

Hsiung-nu managed to carry out successful frontier strategy towards China. At the first stage (200–133 BC) Hsiung-nu practiced «long-distance» exploitation (occasional raids on China, extorting gifts and then establishing peaceful trade). The second stage (129–71 BC) was a period of an active Chinese expansion upon Hsiung-nu. Both sides suffered from the war, and there was no winner. The third stage is (56 BC – 9 AD) was a period of civil war in the steppe, peaceful co-existence with China and extorting "gifts" from it. The fourth stage (9–48 AD) is similar to the first one. For 250 years China was not able to cope with the Hsiung-nu problem. The nomadic empire of Hsiung-nu collapsed as a result of an ecological catastrophe of 44–46 AD, excessive growth of the elite and its struggle for power.